

Запоминаю!

На горке чуть поотстал. Зато следующий комплекс: пикирование – горка выполнил более-менее! Сужу по тому, что «шеф» на связь по СПУ не выходил.

Затем были ведущими. Наш Эл пилотировал Трошин, я сидел за пассажира и косил глазом на то, как учится летать парой Липодецкий. Мне показалось, что у него получалось хуже: пару раз он нас обогнал, после чего снова пристраивался, но большей частью держался далеко, при разворотах и пикированиях на него – с большими интервалами и всё время догонял...

Вернулись домой, зашли на роспуск, сели по одному. Разумеется, на кругу управление Элом было передано мне. Заход, расчёт и посадку выполнял сам. Злонамеренно командиру экипажа мягенько посадил самолёт, раскрутив колёса о ВПП (позлись, позлись!), правда, немного с перелётиком, чуть за посадочное «Т».

Подошёл к инструктору за замечаниями. Получил по-полной за всё, что сделал не так в этом полёте и за то, что случится в будущем.

Помогаю с заправкой своего Эла.

Механик, закачав масалёт воздухом, как всегда, жарит «семачки» в сопле. А затем распахивает готовое по карманам. Приносит и мне, пока я стою с заправочным пистолетом у горловины топливного бака.

— Юр, на, попробуй! Эти тоже вкусные! — говорит Никита, механик Ивы Шептенберга.

Надо сказать, что случай, когда я сам подошёл к Виктору, технику 76го борта, попросил у него прощения за тот эпизод с герметизацией кабины, а затем доложил о своей вине грозному Хотееву, стал «по секрету» широко известен в аэ всему техсоставу. Виктора просто распирало, он не мог не рассказать своим товарищам, что в том случае он всё сделал правильно... Ну, кроме чек, которые с самого начала забыл вытащить из пиропатронов... После этого меня по имени знали все техники и механики в эскадрилье. Со мной за руку здоровались все техники звеньев, начальники групп и даже инженер аэ капитан Юсупов.

Про вкусные «семачки» услышал и Трошин:

— Где ты, говоришь, вкусные семечки? — с усмешкой спрашивает он.

И, больше не говоря ни слова... залезает механику в правый карман комбинезонных брюк и достаёт оттуда огромную жменю!

У меня и челюсть отвисла! Чего-чего, а то, что мой командир экипажа ползет рукой бойцу в карман... Сказал бы кто, я б не поверил! Особенно после давешнего!

Вот так-так!

Мы переглянулись с техником самолёта Ивой Шептенбергом.

Наши недоумённые взгляды Трошин, кстати, перехватил, но, видно, что не понял! По-видимому, недавний инцидент со мной забыл, а себя посчитал вправе так поступить...

Честно говоря, я был в прострации!

Тут Слава Рюкин, чуть покраснев, и говорит, так вежливо-вежливо:

— Товарищ старший лейтенант! Нельзя лазить по карманам у других, даже если этот другой – солдат, а вы – офицер!

— Чего? — опешил Валерий Иванович.

— Вы недавно вон Кручинина обругали за то, что он сунул голову в сопло, полагая, что ваш курсант полз за нашими семачками, хотя их там, кстати, на тот момент уже не

было! Он просто осматривал самолёт. А вы сказали, что у него совести нет! Обидели человека, не разобравшись, и ушли! А сами сейчас полезли в карман моему механику!

Трошин попеременно смотрит то на меня, то на И. Шептенберга, очевидно, припоминая тот случай. Я делаю вид, что интересуюсь только заправкой керосином Эла. Но посматриваю на обоих. Кровь отхлынула от лейтенантского лица.

— Да как ты со мной разговариваешь?.. Я... Ты... Да я тебя... из техников в механики переведу!

Слава ещё больше краснеет:

— А за что, товарищ старший лейтенант? Я что, плохо работаю? Допускаю ошибки? В самоходы хожу? Водку жру?

— Потом поймёшь, за что!

Инструктор отходит к отбойнику, зло сплёвывая шелуху семян. А я посмотрел на Иву Шептен... на сержан... на Славика с уважением: не каждый сможет отстоять своего подчинённого механика! И украдкой показал ему большой палец.

— Никита, давай, подгоняй АПА! — командует Рюкин.

<<•>•••<•>>

Подготовив самолёты, запустились и порулили по параллельным рулёмкам.

После поста осмотра догнал батин самолёт и рулю вровень с ним. Он увеличивает обороты. Я – тоже! Он скорость разгоняет, я – следом. И тут он стал мне махать рукой назад: мол, отставай! Смотрю: рулёмка кончается! Чёрт! Я – по тормозам! Чуть не добаловался!

— 15му, на взлётную парой!

— На взлётную! Левый пеленг!

— Понял!

Занимаем полосу. Выводим обороты.

— 15му взлёт?

— Взлетайте! Пятая зона!

— Понял, пятая! 18й, обороты!.. Пошли!

Отпускаю тормоза и начинаем взлёт! Дожимаю РУД до максимала.

Отрываемся от ВПП. По ведущему убираю шасси... Закрылки...

Над точкой набираем высоту и уходим в зону. Держусь, держусь на своём месте...

Так сказать, «сосёшь крыло»!

— 15й, пятую парой заняли, четыре!

— Задание!

— Понял! 18й, вираж вправо!

— На месте слева!

Самолёт ведущего создаёт плавно крен, и я его создаю. Держусь в одной плоскости с ведущим, поэтому посматриваю на него с позиции бога – сверху. Можно, конечно, держаться и на одной с ним высоте, но тогда ведущий меня животом закроет и не будет видеть. А ему ж интересно, где я там болтаюсь? Если бы был не на месте, поотстал, тогда другое дело – можно спрятаться и за живот «шефа». А так пусть видит: я стою хорошо! Может, похвалит за что-нибудь?.. Ага! Этот похвалит!.. Потом догонит и ещё раз «похвалит» во все небесные полости!..

Подобрал обороты для выдерживания своего места в строю и почти их не трогаю. Только чуть-чуть, туда-сюда. Оказывается, может и хорошо получаться!

— 18й, выводим!.. Виразж влево!

— Слева на месте!

Прибираю обороты, ибо сейчас разворот будет на меня. Перекладываем виразж в другой крен. Вот, вот! Да не так много, видишь, отставать стал! И куда такой крен? Догоняю, занимаю своё место.

На приборы почти не смотрю, пилотирую по ведущему. А зачем? Если он станет терять высоту на вираже, и я её потеряю следом, ибо стою с ним в паре.

Капля пота лижет правый висок. Но не до неё, смахнуть капельку, значит, переложить ручку управления в левую руку! А это чревато – самолёт ведущего близко! А тут ещё нос зачесался! Ну, с этим проще! Бросаю РУД и быстро, не снимая перчатки, его почесал. Нос чешется – хо-о-ороших пи*дюлей, наверное, отхвачу! Снова рука на РУДе, прибрать оборотки надо, близко подошёл!

«Прибрал и сразу добавил», — вспоминаю наставления майора Рассадкова.

Вот так! Держимся, держимся! А за что пи*дюлей? Стою, вроде, неплохо... За «семачки»? Так правду-матку ему врезал не я!.. Ива... Славик... Ты смотри, какой молодец! Даже не ожидал от него!.. Так что, мой нос... чесаться отставить!.. А вот Рюкину, видимо, мало не покажется!.. Но я – свидетель того неудобства, в котором мой инструктор так неуклюже оказался... Давай, Слава, чешем себе носы оба!..

Я, наверное, своим взглядом дыру на самолёте ведущего уже протёр!

— 18й, пикирование вправо!

— На месте слева!

Перекладываем в правый крен. Добавляю оборотки, чтобы не отстать... Это много! Так! И тут же немного прибрал! Самолёт ведущего опускает нос, это очень хорошо заметно из моей кабины, и мой самолёт опускает нос. Начинаю налезать на ведущего! Обороты прибрал мало! Уменьшаю, выпускаю тормоза... Погасив избыток скорости, тут же «лопушки» убираю... Пикируем... Пикируем...

Бегло глянул на приборы и снова впялился на ведущего. А сам оцениваю по памяти то, что видел: угол пикирования ровно 20°, высота подходит к 2000 м, а скорость к 550 км/ч. Значица, сейчас будем выводить!

— 18й, вывод!

И батин самолёт начинает уменьшать угол пикирования. И я с ним вывожу...

Горка!.. Принижение, принижение! Будет принижение, никогда не столкнёмся! Приближаюсь, могу обогнать! Прибираю обороты и коротко выпускаю «лопухи». И тут же добавляю. Но уже не до 100%, ведь ведущий держит не максимал, а 97-98% – ну, чтобы для ведомого оставить запас тяги...

Взгляд в кабину... Сейчас будем выводить из горки...

— 18й вывод будет влево...

— Понял! На месте слева, 18й...

Ведущий вводит в крен и помаленьку кладёт свой Эл на горизонт.

И я следом за ним тоже. Чуть поотстал, потому как много прибрал обороты! Ничего, сейчас догоним...

Проходим с креном в горизонте. Трошин даёт мне возможность перевести дыхание. Я вижу, как он периодически оборачивается и посматривает на меня. Но я стою там, где меня привязали!

— 18й, пикирование влево!

— На месте слева!

И Трошин плавненько вводит в пике в мою сторону. Чуть увеличиваю крен, слегка отошёл от него... Назад! Чего испугался? На своё место! Угол, наверное, 20... Замечаю, как инструктор глянул на меня ещё раз, наши взоры встречаются. Я как раз стою, где положено! Видишь, как у меня хорошо получается, когда ты не орёшь на меня по СПУ!.. Ладно! Не зазнавайся, скворец!

Ведущий выводит из крена, и я вывожу. Даю оборотики полностью, ибо начинаю отставать... И тут же чуть прибираю... В пике... Разгоняемся... Теряем высоту... На пикировании...

— 18й, вывод!

Выводим! Забыл дать квитанцию, что на месте слева! Пошёл на обгон! Прибираю обороты и выпускаю... Правильно, тормоза! Тормоза! Фух, не обогнал! Даже не поравнялся... Прибавляю тяги! И на горке занимаю своё место... В наборе высоты пологой горкой... Да, 20 градусов...

— 18й... вывод будет вправо!

— На месте слева!

Затем до высоты 2000 м выполнили спираль с креном 30° по виточку в каждую сторону. Когда выполняли влево, на меня, у нас почему-то увеличился интервал. Пришлось уговаривать себя его сократить! Только занял своё место, прошли полвитка, переложили в спираль от меня... Тут красиво получилось. Кстати, здесь обратил внимание, на изумительный вид Эла ведущего в крене на фоне земли! Эх, сфоткать бы! Да некому!

И пошли домой. Броском крена в правую сторону Трошин даёт мне команду на перестроение в правый пеленг. Малость отстаю, увеличиваю принижение и, создав крен, перехожу вправо. После чего прикрываюсь левым кренчиком – гашу инерцию перехода. И занимаю своё место – становлюсь так, чтобы носок подвесного бака проецировался на нос самолёта ведущего, а сам подвесной бак мысленно делился пополам нижней кромкой фюзеляжа. Для обучения курсантов нужным параметрам принижения баки под крыльями потому и выкрашены наполовину сверху в чёрную краску.

Так! Так, отлично! Я в строю с обусловленными параметрами!

— 18й, справа на месте! — докладываю.

А сам недоумеваю: а зачем меня перестраивать, если над точкой это будет неудобно – ведущий при роспуске просто пойдёт на меня...

Несколько раз командир экипажа оборачивался на мой самолёт, глядел, как я держусь. Да на месте я, на месте! Куда я денусь?

Проходим парой по большому кругу. При полёте от второго к третьему развороту ведущий креном снова перестраивает меня в левый пеленг.

А! Всё понятно! Это он меня просто потренировал!

Перехожу, как учили... Докладываю...

И зашли на отпуск!

Отпуск мне понравился! Представил, что я, лётчик первого класса, на параде! А внизу за мной следят тысячи глаз!

Приятно-о-о!

— 15му отпуск?

— Отпуск паре, 15й!

— 18й, отпуск!

Эх, до 1го класса ещё шагать и шагать! Вернее, летать и летать!.. Один чёрт!
На кругу всё внимание самолёту ведущего, чтобы не потерять его! Проверил
правильность построения маршрута по кругу... И за ведущим...

Так! У него пошли стойки. За счёт разности скоростей дистанция начала
сокращаться. (У самолёта «шефа» стало 250 км/ч, а у меня по-прежнему 300.) Но я с
выпуском колёс не спешу. Инструктор учил выпускать их на своём месте. Ничего,
отстанем!

Вот!.. На траверзе уменьшаю скорость, выпускаю шасси... И за ведущим...

Проконтролировал выпуск, параметры полёта... И за ведущим...

Осмотрелся во все стороны... И за ним, родимым...

— 15й на третьем, шасси выпустил!

— 15му, заход!

— Понял!

Я был внутри круга. Поэтому когда Трошин ввёл в разворот вправо, я с левым
креном пошёл на его место.

Отлично вышло! Как инструктор научил!

— 18й на третьем, шасси выпустил, сам!

— 18му заход!

— Понял!

Вывожу из третьего, ведущий подходит к четвёртому. Значица, дистанция верная!
Закрылочки... Триммерок... Сниженице... На вариометре ровно четыре метра
спуск... Давно ли меня Мельников драл за то, что в этом месте вариометр гуляет?
Давно! Уже и не помню, когда... Может, это было не у меня? Конечно, не у меня!

— 15й полностью!

— 15му посадка! Для пары – ветер слева под 30, пять-семь!

— 15й понял!

— 18й понял!

Снижаюсь. Контролирую вертикальную, высоту и скорость. И за ведущим...

Вот и место четвёртого разворота! Пора занимать посадочный [курс]! Впрочем, нет!
Начнём разворот на пару секунд попозже: ветерок слева, а я в правом крене – меня
поднесёт!..

Так, теперь самый раз выполнять четвёртый...

Выхожу в створ ВПП... Как у нас с удалением до 15го? Ведущий – над ближним!
Отличная дистанция!

Приятно в наушниках заурчал маркер дальнего. Выпускаю закрылки в посадочное
положение (загорелась зелёная лампочка), перевожу триммер на «четвёрку» и слышу
свой голос в эфире:

— 18й полностью, сам!

— 18му посадка!

— Понял, 18й!

Гляжу, инструктор мостится с тем, чтобы приземлиться на правую сторону ВПП. Я
тогда строю расчёт на левую! Это чтобы в спутный след от своего ведущего не
попасть. Ветерок-то слева! Хотя... дистанция нормальная, а беспокойный воздух от
крыльев самолёта «шефа» уже, конечно, ветер сдул в бок... Но Хотеев в «квадрате» под
тентом как-то рассказывал нам, что так положено, так летают парами в боевых полках...

После заруливания, оставив на крыле своего Эла кислородную маску, шлемофон и

мокрый от пота подшлемник, подхожу к взыскательному начальству за очередными втыками:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите получить замечания?

— Нормально для первого раза! Иди, помогай готовить самолёт!

По-видимому, натянуть меня по самые помидорки за автогонки на рулѐжной дорожке Батя позабыл! Ну и слава богу!..

...Перед общим построением ко мне подходит капитан Юсупов. Отвёл меня в сторону. Инженер просит рассказать об инциденте между Трошиным и Рюкиным.

Я посчитал себя не вправе предать сержанта и наговорить на него. Ведь он вступился и за меня!

— Никакого инцидента не было, — говорю я. — Сержант защитил своего подчинённого. Возмутился тем, что мой инструктор залез рукой к тому в карман за семечками! Разговаривал вполне корректно, не грубил!

И я рассказал о том случае, так сказать, в лицах.

— Ты тогда осматривал самолёт, а Трошин подумал, что за семечками сунул голову?

— Ну да!

— А их там уже не было? И он сказал, что у тебя совести нет? Перед твоим самостоятельным полѐтом?.. М-да...

— Мне кажется, товарищ капитан, надо Рюкина защитить! — я перевожу разговор на сегодняшний случай.

— Трошин утверждал, что Ива Шептенберг пожалел семечек для него, поэтому и возбух!

— А какая разница, по какой причине сержант сказал, что по карманам шарить нельзя? Пожалел семечек или потому, что его возмутил этот факт? Наверное, товарищ капитан, вам бы тоже было неприятно, если б залезли в ваш карман!

— Твой инструктор пообещал написать по этому поводу рапорты командиру эскадрильи и полка!

Я коротко задумался, посмотрел на развивающуюся кучёвку на небосклоне. Потом проговорил:

— Товарищ капитан, ничего он не напишет! Будет хуже, если рапорты подадут Рюкин со своим механиком, указав, что лейтенант шарит у них по карманам! Тут позора не оберёшься! Думаю, что в разговоре с моим командиром надо сделать акцент на этом! И инцидент будет сразу исчерпан!

Юсупов как-то с интересом посмотрел на меня:

— Полагаю, Юрий, ты правильно думаешь!

Вдогонку:

••>> Не говори: от бога мой грех. Бог сначала создал человека, а затем предоставил его собственным побуждениям. Пред тобой огонь и вода: можешь протянуть руку, куда хочешь. Перед человеком – жизнь и смерть. И что ему нравится, то ему будет дано.

«Премудрости Бен-Сиры»

••>> — Не верю я в безгрешных – сам грешен!

Из худ. к/ф-ма «Гусарская

баллада» <<•>•••<•>>

Теперь по-настоящему видно, что наступила осень. Не успели отъехать от аэродрома, как небо затянуто слоёными облаками, из которых льёт, льёт, льёт. Первая эскадра сразу отбила полёты во вторую смену.

Сейчас, кстати, полк усиленно занимается подготовкой к перебазированию на аэродром Миргород. Наш аэродром закрывают на ремонт. А личный состав и техника перебазировается на новую точку. Там полоса бетонированная и мы не будем зависеть от погоды.

Вообще-то, разговоры об этом уже с месяц будоражат толпу. Но я к этому относился скептически: станут ли с перебазированием на другую точку дёргать две учебные эскадрильи, в которых полно курсантов? Оказалось, стали!

Настроения – не поймёшь какие! Одни довольны, что вживую увидят бомбардировщики Ту-16, что сможем за второй курс полетать и с грунта, и с бетона. Другие не хотят покидать насиженных мест, на другом аэродроме изучать новый район полётов, сдавать по нему зачёты. А здесь ведь каждый куст с воздуха знаешь! Давно ли с высоты птичьего полёта узнавались лишь Круча, Лубны, Гребёнка, трасса Киев – Харьков да речка Удай? Про Миргород же поговаривают так:

— Что бетон? Бетон – он твёрдый Мать-земля милее и мягче!

Лётчики-инструкторы считают, что всё же грунтовая полоса для задницы лучше!

И, тем не менее, ни тех курсантов, ни других не спросят о желании.

Аэродром Миргород – учебный, там базируются стратегические бомбардировщики Ту-16, на которых учат курсантов-штурманов выпускного курса из Луганска. Конечно, это не самый грозный на сегодняшний день Ту-95. Но всё же! Для Америки и НАТО мало не покажется! А на это лето по приказу Главкома ВВС туда перебазировались две эскадрильи четвёртого курса нашего училища – одного Купянского аэродрома для полётов курсантов-выпускников явно не хватает. Но они уже завершили обучение и

сегодня, в пятницу, должны сдавать госэкзамены по лётной подготовке. А на днях планируют освободить территорию для нашего полка.

И вот мы здесь, а они там – «у моря» ждём погоды. Отцы-командиры говорят, что после такого марш-броска на бетон мы сможем отлетать всю программу КУЛПа, образца 1965 года на этом типе самолёта, ибо раскисшая полоса для нас уже не будет помехой. А если отлетаем всю программу, то налёт у каждого курсанта составит как минимум 72 часа 20 минут! И это за одно лето! На сегодняшний день я выполнил 186 полётов (из них 52 самостоятельных), а мой налёт составляет 65 часов 12 минут, из которых 22 часа 38 минут налетал сам.

Но отлетать всю программу, включая полёты по маршруту и на потолок Эла, я не против! Поэтому я – за перелёт!

<<•>•••<•>>

...Получил письмо от Юры Ломанова. Он торжественно мне доложил, что послан в колхоз во главе студенческого отряда, в котором назначен командующим. Юрась пишет:

«...и я, как командующий сим сельхозотрядом под броским названием «Одуванчик» (каково?) вас, товарищ курсант, могу торжественно заверить, что большинство (подчёркнуто два раза – авт.) бойцов от восьми до восьми (с перерывом на обед) стоят раком и собирают, собирают, собирают сельскохозяйственную продукцию для закровов Родины...»

В ответном послании я поприветствовал личный состав студотряда «Божий (каково!) одуванчик», посочувствовал им, ибо стоять от темнацати до темнацати раком – любимая поза далеко не каждого, если речь идёт о сборе продукции для закровов, а не чего-то интимного.

Надо сказать, что Юрий мне и в прошлых письмах неплохо описывал свою студенческую жизнь. (А я ему – свою, курсантскую.) И должен заметить, что у него неплохой слог. Он даже рассказ мне свой присылал читать. Рассказ (о нём и его девушке, с которой он познакомился в колхозе) был написан больше, чем хорошо. Мне понравилось. Юрий вставил в повествование некоторый детективный сюжет и имя майора Пронина, и получилась пародия на западные романы. Повторяю: читал его изложение как интересную книгу. Захватывающие события вовлекли меня в круговорот происходящего с моим школьным другом, хотя и находился за несколько сотен километров от описываемых событий. (Простите за некоторую тавтологию.)

Тогда я написал ему ответ, в котором выразил свой восхищение по поводу написанного. И предложил ему параллельно заняться и писательским трудом. Понятное дело, требовал от него не романов, а небольших зарисовок о себе и окружающих – природе и людях. «Ведь студенты – очень интересный народ», — писал я.

Для начала я посоветовал Юрию из собственного опыта завести дневник. И, когда есть время, заносить туда всё, что с ним случается. Попытался заинтриговать его тем, что на склоне лет можно попытаться написать книгу жизни, которую с удовольствием прочтут не только посторонние люди, но и сам, удивляясь: неужели так когда-то было? Писал ему это на полном серьёзе. Ведь может быть, как раз в эти годы в студенте Харьковского мединститута закладывается писательский талант академика медицины Николая Амосова?

Я давал ему совет: как можно дольше не перечитывать то, что написано только что,

поскольку, как это было у меня несколько раз в школе, удивляясь своей бездарности, появляется безудержное желание уничтожить написанное.

Однако оказалось, что советовал Юрию я напрасно. Вот что он пишет о моём предложении:

«Идею о книге жизни я, собственно, вынашиваю второй год. Ведь если подумать, от человека, обычного смертного, в конце, на закате жизни останутся только дети, чёрточка на могильной плите между двумя датами да светлая память. Да и то последняя ненадолго. И встаёт вопрос: неужели мы живём для того, чтобы только произвести на свет новое поколение? Я думаю, что мы живём недаром. У каждого из нас своя, по-своему интересная жизнь, судьба, свои идеалы, к которым каждый стремится. И хотя сейчас не времена Павки Корчагина и даже не сороковые годы, мы делаем (или будем делать) одно общее дело, к которому стремились лучшие умы с незапамятных времён. В написанном хочется показать, как изменился сам человек, его отношение к жизни, к окружающим. Но всё это, Юрась, в будущем. А пока, если признаться, я действительно потихонечку веду записи, когда выдаётся свободное время».

Так вот! Оказывается, мой друг давно ведёт нечто вроде дневника. И, возможно, он, как и я сейчас, переписывает строки из моего письма в свою заветную тетрадку.

Юрась, дорогой мой человек! Ты понимаешь меня с полуслова. Пишешь мне откровенно. Даже что познакомился с девушкой, которую полюбил...

Молодец! Пусть удача сопутствует тебе везде!

А вот Димон уже давно шлёт скупые письма: экзамены, практика, колхоз. То ли сильно занят на ниве половых работ, то ли у него что-то там не всё гладко получается.

Ну, лады! Слышен призывный крик нашего Ёсипова – на ужин кличет.

На ужин, так на ужин! Надо сходить, что-то там перекусить из того, что перепало нам по реактивному пайку из закровов Родины.

В этом, кстати, преимущество армии: не следует думать о хлебе насущном, покупать продукты, мыть за собой посуду. Приготовят, накормят и спать уложат на чистое бельё. И поднимет не пронзительный звон будильника! А сержант у нас для этого есть! Утречком сквозь приятную дрему ведь так славно услышать ласковый скрипучий ёсиповский голос:

— Подъём, ё* вашу мать... Кто там ещё не слышит? Кому спим? Особое приглашение?..

Прелесть!

Я на Ёсипова уже и не обижаюсь! Понимаю, что на самом деле наш старшина хочет мне сказать другое, примерно так:

«Юронька. Вставай, солнышко ты моё. Петушок пропел давно. Как спалось, золотце наше эскадрильское? Комарики ночью не докучали? Ужо я им. Вставай, вставай, радость моя. Сходи личико-то умой. Пора в столовую. Кушать подано. А потом поедем на аэродром учиться летать...»

Хочется ему так сказать, вот только Устав не позволяет...

А так Ёсипов хороший человек... Сссука!

Sibi quisque peccat!
<<>> Просвещённый разум облагораживает нравственные чувства: голова должна воспитать сердце. Фридрих ШИЛЛЕР <<>><>> <<•>> В этом мире ещё не было сделано ни одного доброго дела, которое не осталось бы безнаказанным.

Абдаллах ибн ал-ХУСЕЙН ал-ЛАТАХАРИ

<<><•><>>

<<•>>

Когда человек пытается довести свои добродетели до крайних пределов, его начинают обступать пороки.

Блез ПАСКАЛЬ

<<><•><>>

<<•>>

В воспитании нуждается не столько общественное мнение, сколько общественные деятели.

Оскар УАЙЛЬД

<<><•><>>

<<•>>

Если бы все мы исповедались друг другу в своих грехах, то посмеялись бы над тем, сколь мало у нас выдумки. Если бы все мы раскрыли свои добродетели, то посмеялись бы над тем же.

Джебран Халиль ДЖЕБРАН

<<><•><>>

<<•>>

Это удар ниже пейджера...

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН, Премьер-министр РФ

<<><•><>>

<<•>>

Внук Черчилля: «Дедушка! А ты действительно величайший человек в мире?»

□□□□□ Черчилль: «Конечно, я величайший человек в мире. А теперь проваливай!» Из воспоминаний

<<><•><>>

<<•>>

Любая личинка, если кормить её по-королевски превращается в царицу.

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ

<<><•><>>

<<•>>

Чем больше нас, тем меньше их.

Правило курсанта № 20

<<><•><>>

<<•>>

Слабые мстят, сильные прощают, счастливые забывают.

NN

<<><•><>>

<<•>>

Грешники делятся на два типа: одни надеются на то, что им простят, вторые – что не заподозрят.

Сергей ГРЕКОВ

<<><•><>>

<<•>>

Мы должны искоренять пороки и насаждать добродетели.

Марк Туллий ЦИЦЕРОН

<<><•><>>

<<•>>

— Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ, «Ревизор»

<<><•><>>

<<•>>

— Ум дан человеку не для того, чтоб испытывать неизвестное, а для того, чтоб воздерживаться от грехов.

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, «Господа Головлёвы»

<<><•><>>

<<•>>

— *Запросы у меня маленькие, мне многого не надо! У меня нет пороков!*

Из франко-итал. худ. к/ф-ма «Король фальшивомонетчиков»

<<><•><>>

<<•>>

— *Пришёл час расплаты. Вы ответите за свои грехи. Мы будем драться на дуэли. Как мужчины. Один на один.*

□□□□□ — *Мужчины, какого века?* Из америк. худ. сериала «Калифорния» <<><•><>>

<<•>>

— *Господи! Что я тебе сделал такого? Чем я тебя прогневал, господи?*

□□□□□ — *Ешь много, вот чем!*

□□□□□ — *Замолчи!.. Не с тобой говорят!* Из худ. к/ф-ма «Легенда о Тиле» <<><•><>>

<<•>>

— *Да, ты прав, грехов у меня много! Но греха алчности среди них нет, плевать мне на деньги!*

□□□□□ — *Мне тоже!* Из худ. сериала «Чёрные волки» <<><•><>> <<•>> — *Что ты меня, как дурака – туда-сюда? Нету на мне никакого греха!*

Из худ. сериала «Лето волков»

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки ЛУЧШИЙ-ХУДШИЙ

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

---

¹ Sibi quisque peccat (лат.) – Каждый грешит в ущерб себе.